

ИНТЕРВЬЮ ДЛЯ НОВОСЛОБОДСКОЙ, 73

— считает Олег ТАБАКОВ, ректор Школы-студии МХАТ, «актер с сорокалетним и педагог с двадцатилетним стажем», по его собственному определению.

Разговор наш был посвящен природе актерского мастерства, проблемам воспитания молодого артиста.

— Все знают что приемные экзамены в Школу-студию МХАТ — тяжелое испытание. Не действует «телефонное право», не помогают увещания и просьбы. Какие требования вы предъявляете абитуриенту?

— Первое и главное — талант. Дар, который невозможно ничем заменить.

Второе. В молодых должно присутствовать сознание собственного несовершенства. Как правило, они плохо знают, откуда они, где их корни, им не хватает культуры. Я постоянно убеждаю ребят что со временем, если они будут к этому стремиться, то смогут стать людьми интеллигентными. В России понятие «интеллигентность» всегда трактовалось особо. Оно включало (и включает) не только высокий образовательный ценз, но и — что особенно важно — способность сострадать сопереживать тем, кому живется хуже, чем тебе. Свойство по нынешним временам довольно редкое, но сознание того, что его надо обрести, может стать толчком, позволит двинуться в нужном направлении.

Третье. Важно научиться работать

льюсь». Лучше не скажешь. Ничего и придумывать не надо, рецепт давно выписан нашим африкано-русским гением. И еще — сохранить «душу живу».

— Вы много работаете за рубежом — преподаете, ставите спектакли. Чем наша актерская школа отличается от западной?

— Талантливые художники есть везде, хотя господин Бст не очень щедро разбрасывает их по земле. Школа русского психологического театра предполагает растративание себя в не сколько больших масштабах, чем я наблюдаю это в театрах Запада. Я вижу там блестящее мастерство, но если оно так заметно, то неинтересно. Серьезный уровень исполнительского искусства предполагает способность заглянуть в глубины души — своей, своего персонажа. Такое под силу больше всего актеру русской школы. Японцы делают себе характеры — удар ножом — и он на том свете. Ольга Михайловна Яковлева, которая играет у нас в горьковских «Последних», сознательно убивает себя на каждом спектакле, просто смотреть невозможно! «Я значу только то, что трачу», — сказал поэт. И право артиста обращаться с собой, не жалеть себя.

— И вы решили привить эту традицию за океаном, открыв в США театральную школу для американцев?

— Убежден, что методология российского театрального образования находится на самом высоком уровне.

Олег ТАБАКОВ:

«НАУЧИТЬ НАШЕЙ ПРОФЕССИИ НЕЛЬЗЯ, НАУЧИТЬСЯ — МОЖНО»

на пределе своих физических возможностей — только при таком объеме нагрузок можно надеяться, что наши воспитанники станут впоследствии конкурентоспособными. Этот фактор особенно важен сейчас — мы ведь в одночасье проснулись в другой стране, в другом строе, и глупо делать вид, что ничего не произошло или произошло нечто что не имеет к нам никакого отношения.

— Вы хотите сказать, что «машина времени» перенесла нас в капитализм?

— Вот именно! Дикий, первобытный, звериный, но он есть! И его не обсуждать надо, а принять как данность и как можно быстрее адаптироваться, чтоб легче стало жить. Это не значит, что я призываю менять мораль, отказываться от идеалов, но понять серьезность происходящего необходимо.

— С чего же начинается воспитание будущего артиста?

— С планомерного каждодневного труда, с внедрения в юные головы мысли, что только ты сам можешь себя совершенствовать. Научить нашей профессии нельзя, научиться — при желании — можно. Для этого необходимо прежде всего уметь трезво оценить самого себя, свои силы и возможности. Вот самоанализу, самкритичности я пытаюсь учить своих воспитанников.

— Удалось ли вам что-нибудь сделать для облегчения жизни студентов?

Самые одаренные участвую бесплатно. Понимаете, если я вижу, что студент талантлив, я корыстно, можно сказать — шкурно заинтересован в том, чтобы он продолжал учебу — на самых удобных для него условиях. Для остальной части студентов образование платное.

— Что же получается: платишь — значит, бесталанен? Так можно морально убить!

— Ну зачем так сурово! Во-первых, Министерство культуры субсидирует учебу только трети учащихся, значит, остальные, хочешь — не хочешь, должны платить. А во-вторых, к нам поступают люди разных возрастов. Среди поступивших — сложившиеся личности, они вольны распоряжаться своей судьбой, объективно оценивая свои возможности. Кто ж за них делает выбор? Только сами.

— А как обстоят дела творческие? — Мне неловко об этом говорить, лучше спросите у студентов. Но одно могу сказать: курс, закончивший в прошлом году, работает. Весь. Кроме одной девочки, у которой родился ребенок.

— Почему ваши студенты так удачливы? Вы их как-то особенно учите?

— Мы просто занимаемся посильной реализацией мечты В. И. Немировича-Данченко, которая укладывается в три слова — «школа-студия — театр». Нередко студенты уже со второго курса играют в театре на улице Чапыгина. Сейчас это Марияна Шульц, Сережа Безруков, до этого — Женя Миронов, Володя Машков, примеров много.

— Вы как-то сказали: сегодняшние молодые будут после нас. Значит, правота — за ними. Вы и сейчас так считаете?

— Конечно. Они придут на смену нынешнему поколению, стало быть, они — наше будущее. А будущее не может быть неправым. Это элементарная жизненная философия.

Немирович-Данченко был не только великим реформатором сцены, режиссером, драматургом, но и истинным русским интеллигентом. В 1943 году, когда исход войны еще не был ясен, старик Немирович, которому было за 80, добивается от правительства разрешения о создании Школы-студии при Художественном театре. Вот образец высшей мудрости: человек отчетливо сознавал — жизнь на мне не кончается и думал о будущем, о своей смерти.

— Вы все время среди молодых — в студии, в театре. Они вам нравятся?

— Очень! Привлекает внутренняя свобода, четкий выбор социальных ориентиров. Они трезвее нас в оценках, более подвижны внутренне, лишены психологических табу, которые довлекли над нами. Очень важно, что молодые предпочитают неагрессивное разрешение конфликтов, что нацелены на компромисс, на согласие и обладают способностью взвешенно смотреть на окружающий мир. Все плохое в них — от нас, мы им вдали много, а они прекрасно видели, как расходятся наши слова и дела. Можно ли требовать от них большего? Но очень хочется уберечь от ошибок...

— Вы прямо ангелов нарисовали! Но ведь есть что-то, что вы не приглядываете в нынешней молодежи?

— Забвение добра. Беспамятство о содеянном благе. Недостаток эрудиции — читают мало, плохо знают наш золотой запас — русскую литературу XIX века. Если ее освоить, появятся гораздо больше шансов научиться отличать зерна от плевел.

— И это все? Вы, по-моему, чересчур падаете на них.

— А за что бить? Они не хуже, а во многом лучше нас — в этом я убежден. Правда, есть одна слабость — хо-

тят всего и сразу, а так не бывает. Я отношу этот минус к издержкам возраста.

— Говорят, режиссер умирает в актере. А педагог — в учениках?

— Дело обстоит немного иначе. Учитель — прививка, необходимая для творческого здоровья, влюбленность в учителя гарантирует защищенность от нравственных болезней.

— Так надо же его любить...

— А я не застаиваю. Тут уж как получится. Учитель — это профессия, в которой люди время от времени показывают чудо. Скажу о себе. Моя влюбленность в Василия Осиповича Топоркова позволила поверить: когда-нибудь и я не смогу так...

— В недавней передаче с Виктором Мережко «Мое кино» вы обрунили фразу «Мои звезды — мои мольбицы», имея в виду артистов вашего театра. Как соотносится такое высказывание с актерским честолюбием, о котором вы тоже сказали с экрана?

— Я не ревную к успеху своих учеников. Более того, Кайф, который я ловлю от их удач, несравним с тем, который получаю от собственных. Мое честолюбие — это гарантия, что я смогу уйти вовремя. Когда человек держится за служебное кресло, за место на сцене, это свидетельствует о недостаточности честолюбия. А оно — двигатель прогресса. Знаете, как я определяю это качество? Невозможность сделать хуже, чем уже однажды сделал при максимальном напряжении сил. Профессионал обязательно должен быть честолюбив, должен обладать чувством собственного достоинства, чрезвычайно важным компонентом творчества.

С годами, когда актер сполна овладевает секретами профессии, он становится как бы кентавром: и лошадь, и погоняла одновременно. Я обязан показать высокий результат действий этого гибрида, иначе просто плюну сам себе в физиономию. Но ради Бога: если мои ученики смогут, пусть, выйдя на сцену, сделают лучше, чем я, и я уступлю им место.

— Вы так говорите, потому что знаете: подобное вам не грозит.

— А кто знает, может, и грозит — все переменчиво. Мне в августе будет 60, оформлю пенсию и еще лет пять — если пойму, что нужно — буду готовить младших к «наследованию престола». Важно только понять, смогут ли они, даже самые талантливые, забиться о других так же, как забьются о себе.

— Так все-таки, что же за явление такое — русская актерская школа?

— «Над вымыслом слезами обо-

Ноу-хау, которым обладает Россия, соответствует мировым стандартам. Это довольно серьезное начинание — делиться нашим опытом, системой Станиславского. За удовольствие шесть недель учиться в университете Карнеги-Меллон города Питтсбурга американцы платят немалые деньги, некоторые даже влезают в долги.

Там преподают прекрасные педагоги Школы-студии — Смедянский, Дроздин, Покровская, Леонтьев. Недавно американские студенты были в Москве, четыре с лишним месяца учились в Школе-студии. По нашим планам это второй этап обучения, что-то вроде аспирантуры, по окончании которой студенты получат дипломы и звание «Мастер изящных искусств». Скоро все начнется сначала, так как уже набран новый курс.

10 мая мы имели честь принять в Школе госпожу Хиллари Клинтон и Нанну Иосифовну Ельцину. Они посетили отрывок из чеховских «Трех сестер» в исполнении американцев. Похоже, гостям понравились и постановка Адольфа Шапиро, и игра артистов.

Считаю, что актерская школа в США — это начинание во благо и во славу отечества. Американцы, у которых на первом месте — профессионализм, понемногу начинают понимать, что выполнять завет Пушкина — очень накладно, тяжело, бывает себе дороже... Но стараются!

— Как совместить ремесло и духовность? Как-то мы с вами говорили, и вы сказали: главное — не оскотиняться.

— Правильно Я и сейчас так думаю. И нечего преподносить эту элементарную истину как что-то выдающееся. Нормально, если от человека требуется, чтобы он оставался Человеком.

Надеюсь, что культурный слой, который много лет сознательно истончали и уничтожали, со временем увеличится — и все войдет в норму. Ведь к чести России живут в ней академик Лихачев, ученый Аверинцев, писатели Астафьев и Васильев, можно еще кого-то называть.

— И вы уверены, что уже наступило время «собрать камни»?

— К сожалению, не уверен, но думаю, что слова «Интернационала» «Никто не даст нам избавления — ни бог, ни царь и не герой» — абсолютно верны. Мы сможем достичь успехов только сами, только преодолевая себя, по капле выдавливая раба, как советовал великий русский интеллигент Антон Павлович Чехов.

Беседовала Елена ЗОНИНА.